

Причины этих явлений понятны. Слишком резок был контраст между творчеством только что ушедших великих поэтов и юношескими опытами поэтической молодежи. Ни о каком соизмерении с предыдущей эпохой не могло быть и речи, всякое сравнение приводило к осуждению мелкости, бледности, узости современной поэзии.

Упадок интереса к поэзии как нельзя ярче сказался на судьбе стихов Фета. Ему рано пришлось осознать, что самое дорогое на свете — поэзия — может только оставаться домашним занятием, но не опорой в жизни. Надо было сделать выбор основных жизненных целей и путей — и он его сделал. К тому же всю жизнь его преследовали запутанные обстоятельства рождения, «чужая фамилия» и сплетни вокруг всего этого. Все эти досужие домыслы больно ранили самолюбие Фета, и он решил стать уже не потомственным, а столбовым дворянином. В 1873 году им было подано прошение «на высочайшее имя» о признании его потомственным дворянином Шеншиным. Фет сочинил такую версию своего рождения: он — сын А.Н. Шеншина, женившегося в Германии на вдове Шарлотте Фет, но брак их, совершенный по лютеранскому обряду, не был признан в России, и супругам пришлось венчаться вторично — уже по православному обряду. А проситель был рожден до этого второго венчания своих родителей — и при разбирательстве дела был поэтому объявлен сыном первого мужа своей матери.

«Канцелярия статс-секретаря у принятия прошений» потребовала от Фета представления документа о первоначальном, лютеранском венчании его родителей. Фет ответил, что в «настоящее время, по истечении 53 лет, лишен возможности разыскивать подлинный акт венчания». Это было неубедительно, но он имел хорошую репутацию в глазах правительства и ярко описал в своем прошении, какие «жесточайшие нравственные пытки» испытывал он всю жизнь. Прочтя прошение, царь Александр II сказал:

— «Je m' imagine, ce que cet homme a du souffrir dans sa vie». (Я представляю себе, сколько должен был выстрадать этот человек в своей жизни).

И разрешил Фету «принять фамилию ротмистра А.Н. Шеншина и вступить во все права и преимущества его по роду и наследию».

Фет превратился в Шеншина. Прежнюю фамилию он сохранил в качестве литературного псевдонима, но ревностно следил за тем, чтобы в быту, в адресах писем его именовали Шеншиным. Наконец-то сбылась мечта! Богатый помещик, полноправный дворянин продолжал выпускать поэтические сборники и заниматься публицистической и переводческой деятельностью.

Отношение общества к этой перемене было недоуменным или ироническим. Так, Тургенев написал Фету по этому поводу:

«Как Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию».

Эпиграммы и насмешки проникли и в печать, но Фета-Шеншина